

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА

КОГДА ПРОБЬЕТ
ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

Ужасные истории (страшилки)

Елена Нестерина

Когда пробьет полночный час

«Елена Нестерина»

Нестерина Е. В.

Когда пробьет полночный час / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина», — (Ужасные истории (страшилки))

ISBN 5-699-15847-2

Не тревожьте покой мертвых, не ходите ночью на кладбище! Знали об этом трое мальчишек, что отдыхали в летнем лагере «Огонек». Знали – но сделали наоборот... Взошла над лесом полная луна. Вовка, Мишка и Андрей медленно двигались между старыми могилами... Тихо было вокруг, не доносилась даже громкая музыка, что гремела в лагере на дискотеке. И вдруг... Зашаталась и упала ветхая оградка, открылась одна могила, вторая, третья. Восставшие из земли мертвецы медленно, но верно отправились в лагерь! Неужели это мальчишки разбудили их? Что же делать? Как остановить покойников, которые уже принялись хватать живых людей и тащить их в свои могилы?..

ISBN 5-699-15847-2

© Нестерина Е. В.
© Елена Нестерина

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Нестерина

Когда пробьет полночный час

Глава I

Королевская ночь

Старое-старое кладбище доживало свой скорбный век рядом с летним лагерем «Огонек». Уже давно никого не хоронили на нем – кладбищенская церковь, где когда-то отпевали покойников, треснула, покосилась. В ней жили теперь дикие голуби, их тревожное гугуканье тихими летними вечерами было слышно на всю округу. Часто ни с того ни с сего чуткие голуби вдруг пугались чего-то. Они шумно срывались со своих мест, с громким свистом хлопали крыльями, встревоженно кричали – и, вылетев сквозь разбитые окна и проломы в куполе, долго-долго носились над округой. Их жалобные голоса до самой темноты раздавались в вышине.

На одинаковом расстоянии и от заброшенного кладбища, и от лагеря стояла деревня. Дорога от лагеря к ней шла в объезд леса, что значительно удлиняло путь. Поэтому местные жители редко бывали в «Огоньке».

Этого, впрочем, ребята, отдыхающие в лагере, и не замечали. С деревенскими они виделись лишь иногда – тогда, когда ходили купаться. Встречи в основном проходили мирно, воду местного пруда и его берег делить не приходилось.

Путь на этот пруд пролегал как раз по кладбищу. Конечно, можно было не ходить мимо покосившихся памятников и гнилых крестов, а вдоль кромки леса обойти старый погост, но этого почему-то никто из отдыхающих не делал. Чтобы срезать дорогу и укоротить время пути, все ходили через кладбище. Не чуя под собой ног, неслись по нему малыши, стараясь не смотреть по сторонам; тоже торопливо, но то и дело косясь на могилы и тревожно оглядываясь, проходили более взрослые мальчишки и девчонки.

Кладбище завораживало. Влажными вечерами между высокими кладбищенскими березами и широколапыми елями вился белый туман. Подергиваясь, он огибал деревья, садился на ржавые оградки, сумрачно вздрагивал, опускаясь на заросшие травой могилы.

Многие из отдыхающих в лагере смотрели на него сверху – с горы, из окон второго этажа корпуса, повернутого торцом к кладбищу. Но выйти на кладбище вечером, а тем более ночью не решался никто. Выйти, побродить, окутавшись кладбищенским туманом, посмотреть на заброшенные могилы, постоять, подождать, послушать...

А может, просто времени на это не было – ведь ни на минуту не затихала веселая жизнь в «Огоньке». До самой темноты гремела там музыка, шли дискотеки, проводились игры и конкурсы. Наигравшись и нагулявшись, все, от мала до велика, так уставали, что прямо валились с ног и засыпали сладким сном, едва коснувшись кровати. Ведь наутро их ждали новые развлечения.

Вот и сегодня лагерь был наполнен огнями, празднично украшен, музыка неслась из установленных на дискотечной площадке и на крыше столовой динамиков особенно громкая. Королевская Ночь – конец второй летней смены, вот что праздновало население «Огонька»!

Никто никогда не спит в Королевскую Ночь! Многие ради того, чтобы повеселиться на закрытии, терпеливо сидят в лагере всю смену. Ведь в Королевскую Ночь можно было ВСЁ!!!

Уже почти стемнело, на улице горели яркие лампочки иллюминации, тут и там стояли лотки с пирожками и газировкой, которую наливали всем желающим работники пищеблока.

Даже мороженое еще не закончилось – хотя некоторые так его объелись, что не могли уже двигаться, сидели на скамейках и вяло отмахивались от комаров.

Завершился праздничный концерт – к нему готовились чуть ли не с середины смены, – но дискотека, которую прикрывали обычно в одиннадцать часов вечера, сегодня обещала затянуться далеко за полночь, и поэтому отплясывали там с особенным воодушевлением.

С воплями и улюлюканьем гоняли по всему лагерю малыши своих воспитателей. Те бежали со всех ног, потому что знали: если малышня их поймает, то непременно изваляет в траве, вымажет зубной пастой, кремом от тортов и пирожных, мороженого набросает за шиворот – одним словом, поглумится на славу. Продуктов для этого было много, боевого задора у бывших уже подопечных несчастного воспитателя еще больше – вот бедные взрослые и носились теперь как угорелые.

Воспитатель девятого отряда Натан, например, сегодня от отчаяния забрался на вершину сухой сосны без нижних веток, которая покорила еще только одному человеку – несколько лет назад на нее взобрался такой же несчастный дяденька-физрук. Того, замучившего своей ежеутренней зарядкой и многокилометровым кроссом, дети гоняли особенно долго. Они разделились на группы, и, когда одна уставала бежать со зловещим улюлюканьем за вредным дядькой, за дело принималась другая. Так, зигзагами, и бегал физрук по территории. Его не могли спасти ни начальница лагеря, ни кто-нибудь из воспитателей – таков был закон Королевской Ночи. Физрук просил ребят остановиться и не бегать за ним, но тонкие детские голоса командовали: «Вперед! Кросс! Здоровье! Не сбавлять скорость! Не менять ритма!», и гонка продолжалась... Когда наконец физкультурный руководитель дошел до последней стадии усталости, обиды и отчаяния, на глаза попала ему сухая сосна. В последнем мощном рывке оторвавшись от преследователей, он закричал по-обезьяньи и вскарабкался на вершину дерева.

Там он и сидел, время от времени меняя место посадки – сухие ветки поскрипывали, угрожая треснуть и обломиться, ветер раскачивал вершину сосны...

Дети тоже пытались качать дерево – чтобы стряхнуть с него физкультурного руководителя. Сосна выдержала, через некоторое время детишки убежали искать другие развлечения... А физкультурник сидел на сосне до розовых утренних облачков. Только тогда, осмелев, он кое-как спустился – и уже на следующей смене духу его в «Огоньке» не было. Говорили, что тиранический физрук подался в охранники, сопровождать бетонные изделия, которые перевозили из Сибири в пустынные районы недалекого зарубежья.

Но никто в лагере об этом и не грустил. Его, вредного мучителя, гоняли в отместку. А всех остальных, в принципе, любимых воспитателей и воспитательниц, просто так, для поддержания традиции.

Сколько же собирался сидеть на сосенке малоспортивный Натан, не мог спрогнозировать никто. Потому что загнать-то воспитателя на дерево загнали, но снять его детишки явно не могли. А пока подрастет подмога из обслуживающего персонала... Сидеть и выть на большую круглую луну, взошедшую над лесом, – больше ничего запрыгнувшему на дерево дяденьке не оставалось...

Взрослых ребят этим было уже не удивить. За всю смену они не отличались особым послушанием, так что отыгрываться на своих руководителях, которых они и так доводили изрядно, им уже было неинтересно.

А тем более после того, как в голову одному из них пришла замечательная идея.

– Пацаны, – обратился к своим приятелям Вовка, парнишка из четвертого отряда, – а слабо на кладбище пойти? Прямо сейчас!

– Так мы же собирались девок наших пастой мазать, – удивился Мишка, подкидывая на ладони тюбик зубной пасты. – Я ее специально грею в кармане.

– Намазать мы их успеем, – ответил Вовка. – Попозже. Так даже лучше – пока мы на кладбище, пока обратно, они спать точно улягутся.

– Так еще дискотека даже не кончилась, – добавил Андрюшка. – А наши все на дискотеке.

– Дискотека, может, всю ночь будет, – заметил Вовка. – Но не все же на ней останутся. Я хочу Никифорову намазать. Не думаю, что ее на всю ночь на дискотеке плясать хватит. Отправится же она на боковую. Вот тут-то я ее узорами-то и распишу.

– И Петрушкина с дискотеки всегда рано уходит, Петрушкину тоже хорошо бы намазать, чтобы не выделялась, – ухмыльнулся Мишка.

– Намажем. Но сначала – на кладбище, – заявил Вовка. – Самое время сегодня.

– Так за территорию же нельзя!.. – почесал затылок Андрюшка.

– Но ведь Королевская Ночь, все можно! И за территорию бегать, и вообще! – воскликнул Вовка. – Так что ничего нам за это не будет. Из лагеря уже не исключат, домой не вышлют. Смена-то закончилась!

– Ну да... – согласились ребята.

– А чего там делать-то, на кладбище? – спросил Андрюшка.

– Смелость свою проверить, – ответил Вовка. – Вот просто взять да и пройти все кладбище от начала до конца.

– Ой, да это любой дурак!.. – воскликнул Мишка.

И осекся.

Странный вой донесся откуда-то.

– Что это? А? – несмело пробормотал Мишка.

– Не знаю, – чуть слышно ответил Андрюшка. – Кажется, со стороны кладбища...

Глава II

Если вой раздаётся все чаще...

Вой повторился. Затих. Через несколько секунд вновь раздался в тишине. А потом из лагерных динамиков опять врезала лихая латиноамериканская музыка – и никакого воя стало не слышно. Как и не было. Словно тягостный звук и не нарушал веселья Королевской Ночи.

– Неужели покойники с кладбища догадались, что мы к ним собираемся в гости навещать? – удивился Вовка, задорно подмигивая приятелям. – Воют, зовут нас. Что, пацаны, погнались – посмотрим, как там ночью тухлятинка себя ведёт. А заодно и выясним, кто из нас трусоват, кто в штанишки первым наложит.

Мишка и Андрей подчеркнуто бодро согласились. Вова считался самым отчаянным в их отряде. Он нырял на пруду с раздрыганный вышки и ласточкой, и солдатиком, и с переворотом в воздухе – так даже ребята из первого отряда не могли. На спор в начале смены он прошел босыми ногами по битому стеклу и, хоть и порезался нещадно, даже виду не подал, что ему больно. А уж на какие деревья он взбирался, это и рассказывать нечего.

И все время подначивал, когда ребята всем отрядом спешили на пруд по кладбищенской дорожке, в это самое место ночью прийти. Никто, конечно, не соглашался – уход за территорию карался высылкой из «Огонька». Да и просто-напросто страшно было ночью на старом кладбище...

– Да вы что! – раздался вдруг голос. – Не надо! Не ходите туда ни в коем случае!

Вова и его приятели резко оглянулись. На дорожке, ведущей от дискотеки к их корпусу, рядом с ними толкся пацан из их отряда – Копыточкин Дима. Этот Дима казался странноватым: смотрел на всё с открытым ртом, восхищался, радовался всему и во всех мероприятиях участвовал очень активно: удивлялся всяким пустяковым примочкам, был самым благодарным едоком в столовой, посещал ВСЕ кружки в «Огоньке». Объяснялось это просто – Копыточкин был истинным деревенским жителем, место его прописки было в той самой деревне за кладбищем. Он отличался тем, что в свои двенадцать лет впервые оказался в летнем лагере, а потому ему здесь все было в новинку. Папашку Копыточкина, механизатора со стажем, районное руководство решило поощрить – и ему выделили путёвку на одного из пятерых его детей в летний лагерь. Обещали куда-нибудь на море, но затем предложили на выбор лагеря местного значения – и отец Димы, долго не думая, выбрал «Огонёк». Его дети тянули жребий. Каждый из них надеялся оказаться обладателем путёвки. Но счастливчиком мог стать только один...

Выбор судьбы пал на Диму.

И вот уже Дима Копыточкин, средний сын механизатора Копыточкина, гордо разгуливал по аллеям лагеря, сытно питался в столовой, сладко спал в тихий час и гонял на компьютере примитивные игры в кружке «Компьютерная грамотность». До этого он часто с грустью смотрел из-за ограды на чужую радость, представляя, как, если бы он попал в «Огонёк», веселился бы и развлекался на полную катушку, а не таскался бы по лагерю со скучающим лицом, как это делали многие ребята в «Огоньке», лениво пережёвывая привезённые родителями гостинцы.

Руководство «Огонька» просто нарадоваться не могло на такого послушного, покладистого и трудолюбивого мальчика. А городские лентяи, пацаны из одного с ним отряда, Диму не жаловали, смеялись над ним и дразнили Деревней. Дима привык к этому прозвищу и даже обижаться перестал.

Надо сказать, девчонки его уважали и дразнили только для поддержания собственного имиджа – независимых девушек, не дающих спуска мужскому полу. Дима-Деревня записался в танцевальный кружок, рьяно учился танцевать, а на дискотеках всегда приглашал тех девчонок, которые оставались без кавалеров. И танцевал с ними уж куда лучше остальных мальчишек,

которые девчонку-то если вдруг и пригласят на медленный танец, то дальше только топчутся на месте, да еще и на ноги то и дело им наступают. Копыточкин танцевал так, как его учили в кружке, с каждым разом у него получалось все лучше и лучше – так что танцевать с ним было одно удовольствие. Это вызывало еще больший шквал насмешек со стороны мальчишек: Деревня пляшет! Но Дима не обижался – лишь улыбался. И всё.

Не любил его и Вова, хотя никогда особо не задирали. Но тут было другое дело: с вышки на деревенском пруду мог прыгать с двумя переворотами и прямо-таки ввинчиваясь в воду только Деревня. Никто, даже ребята из старших отрядов не могли повторить его трюк. А Деревня прыгал, вызывая восторги малышей и девчонок. Прыгали так и его старшие сестра с братом, которые тоже изредка приходили на пруд отдохнуть от своих нескончаемых деревенских дел. Они взбирались на шаткую вышку – и сигали в воду друг за другом! Красота, как на показательных выступлениях олимпийской сборной.

А Вова долго не мог наловчиться. Спрашивать у Деревни было нельзя – не круто это как-то. И Вова упорно, до звона в ушах, до того, что живот от ударов о воду начинало немилосердно саднить, тренировался. Ничего не получалось – до тех пор, пока добрый Деревня не появился сам возле Вовки и не предложил объяснить, что и как надо делать. Вовка тогда гордо отказался – и всю смену, несмотря на запреты воспитателей, бегал мимо старого кладбища на пруд. И учился. Когда стало более-менее получаться, зарядили дожди. Игнорируя угрозу выдворения из лагеря за походы без воспитателей за пределы территории, упрямый Вовка прыгал и прыгал с вышки в пузырящуюся, мутную и холодную воду пруда.

Когда погода наладилась, Владимир на глазах у изумленной публики красиво, а потому победоносно нырнул с вышки. Из воды и с берега раздались аплодисменты и крики одобрения – слава Вовки засияла от этого еще ярче. Вовка довольно хмыкнул и, выбираясь на пляж, искал взглядом Деревню – если сейчас тот нырнёт вслед за ним, то, конечно же, переплюнет его мастерский прыжок. Но...

Копыточкин, широко улыбаясь и хлопая наивными голубыми глазенками, сказал: «Ну, молодец, вообще!», выставил вперед руку с оттопыренным большим пальцем и, набросив на лицо выцветшую кепочку, улегся на песок.

Вот за это благородство Вовка и злился на Деревню. Хотя, конечно, не за что было.

А сейчас разозлился не на шутку.

– Деревня, чего тебе надо? – недовольно протянул он. – Чего ты нас учишь, не пойму?

– Не ходите на кладбище ночью. Не надо, – повторил Копыточкин, тревожно заглядывая в глаза Вове, Мишане и Андрею.

– А, Деревня, боишься? – сразу развеселился Мишка.

– Боюсь, – честно признался Деревня. – Не любят у нас это кладбище. И не хоронят на нем уже давно, заметили?

– Да уж не глупее тебя, – фыркнул Андрей.

– Ну его, пацаны, – махнул рукой Вовка. – Идемте.

Он попытался отодвинуть Копыточкина с дороги, но тот увернулся и, захлебываясь, быстро-быстро заговорил:

– Ну не надо, не ходите! Мы ведь сами тут живем рядом и никогда не ходим через кладбище лунной ночью! А сегодня вон луна какая! Полнолуние!

Он кивнул вверх, указывая ребятам на луну. Но ее на небе не было. Нет, может, она и была там, конечно, но сейчас не наблюдалась. Тучи ее загородили.

Но не в этом дело...

– Ночью, когда луна полная, это очень опасно! – продолжал Деревня. – От греха подальше, не надо там появляться ночью!

Тройка друзей громко захохотала.

– «От греха подальше»! – держался за живот Андрей. – Прямо как бабка... Иди, Деревня, в корпус, не смейся народ!

– Наслушался у себя в коровнике деревенских преданий! – подхватил Мишка. – И теперь нас грузит.

– Я не грузю! Честно! – воскликнул Деревня-Копыточкин.

Но его слушать было уже просто смешно: он бормотал что-то, прыгая, точно воробей. К груди Дима Копыточкин прижимал целую кучу добра: тут были апельсины, шоколадки, коробки с игрушками, большой трансформер, запечатанный в пластик, даже длинноносая жестяная лейка. Все это навьючивал Копыточкин в конкурсах, которые устраивались воспитателями-затейниками в Королевскую Ночь.

Все то, что набрал Дима за смену: приз за первое место в конкурсе танцев, награду в беге на сто метров, сувениры, что вручались на викторине «Изучай родной край», даже апельсины, глазированные сырки и другие сладости, что выдавались всем в столовой на полдник, он собирал и передавал своим родственничкам. Они регулярно навещались к своему брату-везунчику и охотно сгребали все, что он для них припрятывал.

Так что сейчас Дима Копыточкин снова был нагружен подарками. Поэтому, когда Вовка легонько толкнул его, чтобы освободить дорогу к будущему славному приключению, лейки-апельсины-коробочки посыпались из рук Димы.

– Собирай-собирай, – поднимая с земли выигранную Копыточкинским злосчастную лейку и протягивая ее ему, проговорил Вовка.

– И не плачь – мы скоро вернемся, – добавил Мишаня.

– Ну, что? Погнались! – Оглянувшись еще раз на прыгающего по аллее Копыточкина, Вовка устремился под гору вниз, к металлической ограде лагеря.

Можно, конечно, было выйти и в ворота, от них как раз до кладбища рукой подать – так обычно все ходили к пруду. Но если перемахнуть через прутья высокой ограды – то оно и совсем близко окажется.

Андрей и Мишка переглянулись и поспешили за Вовкой. Ни одному из них не хотелось считаться трусом.

Возле металлического ограждения все трое остановились. Где-то продолжала играть музыка, слышались визг, смех, радостные вопли. А тот пугающий вой, наверное, просто показался мальчишкам...

– Без пятнадцати полночь, между прочим, – заметил Вовка, глядя на свои наручные часы с подсветкой. – Предлагаю разделить и всем по одному идти. Так страшнее. Но и почетнее.

– Да уж, почетнее... – вздохнул Андрюшка. Хотя ему уже и шел тринадцатый год, но страшно было ему точно первокласснику.

– А встретимся на другом конце кладбища, – продолжал Вова. – И уже все вместе обратно пойдём. Если кто испугается – кричите и возвращайтесь в лагерь. Сами же помните, Копыточкин говорил – не ходите, стра-а-ашно... Ну, как вам план?

– Нормально... – закивал головой Мишка.

– Тогда вперед!

С этими словами Вовка подпрыгнул, схватился руками за поперечную железку сверху ограды, подтянулся, закинул на железку ногу, выпрямился – и спрыгнул с другой стороны.

У Андрея и Мишки эта операция заняла более долгое время, Андрюшку пришлось даже подсаживать. Но вот и двое остальных участников экспедиции к центру кладбища оказались за территорией лагеря «Огонек».

Кладбище находилось там, за деревьями. Его даже не видно было, потому что ночная темнота накрыла всю округу.

Оно началось сразу, едва мальчишки вступили под деревья. Могила без ограды – вот что оказалось у них под ногами, как только они сделали всего лишь несколько шагов.

– Нельзя на могилы наступать! – расталкивая дружков в разные стороны, зашипел Мишка. – Мне сестра старшая говорила! Нельзя! Надо стараться между ними ходить, а если пройти никак нельзя – перепрыгивать!

– А что – покойнички обидятся? – усмехнулся Вовка, но все же с могилы ушел.

– Обидятся.

– Им все равно!

Видимо, где-то на небе вышла из-за тучки луна, потому что ее слабый-слабый дрожащий призрачный свет упал на кладбище, ухитрившись пробраться сквозь густую листву высоких деревьев. Стало чуть лучше видно – этого было достаточно, чтобы разобрать, где могилы, а где намечается проход между ними.

– Все, мы должны разделиться, – скомандовал Вова. – Андрюха, иди влево, ты, Мишаня, забирай правее, а я по самому центру. Встретимся там, ближе к пруду...

Андрей и Мишка осторожно стали пробираться мимо могил, один удаляясь влево, другой вправо.

А Вовка постоял какое-то время, вглядываясь в кладбищенскую темноту. И пошел вперед.

Никто не знал, что Вовка, за которым, как уже говорилось, и в лагере, и во дворе, и в школе закрепилась слава бесстрашного, бесшабашного и невероятно шустрого и ловкого парня, очень боялся покойников. Боялся до такой степени, что даже когда вечером после отбоя кто-то из ребят рассказывал в темной палате страшную историю, он, стараясь, чтобы никто этого не заметил, затыкал уши, вжимался в подушку, да еще и голову старался втянуть в плечи как можно сильнее. И не слушал! Он старался не приближаться к городскому кладбищу, а когда ехал мимо него на троллейбусе, заранее вставал на другую сторону, чтобы не видеть его.

Вова бывал в «Огоньке» каждое лето по одной, а иногда и по две смены. Ходил вместе со всеми через кладбище на пруд, посмеивался, шутки-анекдоты про покойников рассказывал, в общем, – бодрился. И там, на пруду, как известно, показывал чудеса ловкости и смелости. Но когда он тайком удибал на пруд тренироваться прыгать с вышки и потом возвращался в лагерь, то делал большой крюк, огибая кладбище! Старался миновать могилы и кресты. Вовка не боялся дремучего леса и болотной трясины с маячащими и приводящими к неминуемой гибели обманчивыми болотными огоньками, бури на море не боялся, авиакатастрофы – но вид любого кладбища страшил его.

Вовка должен был победить свой страх – потому-то он и потащил своих дружков ночью на погост.

Что за фигура маячит впереди? Почему она колыхается, почему так неясны ее очертания? Идти вперед – и наверняка встретиться с кем-то ЭТИМ?.. Или обойти – от греха подальше?..

Вовка напрасно дождался, когда затихнут шаги Мишки и Андрея. Когда знаешь, что где-то рядом находятся люди, как-то не так страшно. А в тишине и одиночестве...

Вовка сделал несколько шагов. Фигуру, что маячила впереди, поглотила ночная темень. Вовка продолжал идти вдоль невысокой металлической ограды старой могилы. Если сейчас это нечто вновь появится из мрака или тот странный вой раздастся снова, сердце мальчишки просто-напросто разорвется.

Но тихо было на кладбище. Ни звука не раздавалось в ночи. Даже своих шагов Вовка почти не слышал: мягкая трава, сухие листья и иголки – сосновые вперемешку с еловыми – скрадывали все звуки.

А вдруг покойники чувствуют его, вдруг смотрят на него, пронзая взглядами толщу земли и заслоны из гробовых досок? Нравится ли им, что нарушают их покой, что топчутся вокруг могил? Ведь ночь – это их время...

Самое страшное – пройти по кладбищу в самую полночь! А до полночи, как узнал Вовка, взглянув на светящийся циферблат часов, всего четыре минуты. Уже три...

Мальчишка шел, одну руку вытянув перед собой, а другую засунув в карман. Там, в кармане, он сложил пальцы в фигу. Так учила его прабабушка – чтобы не повредил ему чужой недобрый глаз. Может, это и для усмирения злобности покойников эффективно...

Большой черный крест возник перед Вовой так неожиданно, что тот резко отшатнулся, в испуге коротко вскрикнув. Все кресты на других могилах стояли вдоль, а этот вдруг очутился поперек.

Вовка взмахнул рукой, пятясь назад и вскакивая на невысокий могильный холмик. Тут же попытался сбежать с него, наступил в какую-то ямку, для равновесия раскинул обе руки, вытащив вторую из кармана.

И не упал, удержался-таки на ногах.

Вова замер, стараясь унять колотящееся сердце. Он стиснул зубы и сильно сжал мягкий теплый тюбик зубной пасты, который выхватил зачем-то из кармана только что. Так он и стоял около минуты. Дыхание его быстро восстановилось, сердце забилось ровнее. Вовка поднял голову, надеясь поймать дуновение ветра, чтобы охладить разгоряченное лицо.

Снова показалась луна. Ее видно было сквозь ветви высокого дерева.

...Вова не видел, как луч лунного света упал на белый медальон на полуосыпавшемся памятнике, не видел, как отразился он на блестящем боку его тюбика хорошей зубной пасты с отбеливающим эффектом. Заметил только легкую вспышку света – да и то всего миг какой-то продолжалось это мерцание. И все. Вновь луна исчезла то ли за ветвями деревьев, то ли за тучей – но опять стало темно.

Громкие звуки лагерного веселья не доносились сюда. В этой тишине, на ощупь находя проходы между могилами, Вованя пошел вперед. Он не боится, не боится, конечно, – да и чего бояться тех, кто давным-давно умер, заколочен в гроб и засыпан землей? А раз не боится, значит, первым выйдет с кладбища по другую его сторону!

Вова заспешил, стараясь не оглядываться на кресты и памятники, не хвататься за оградки.

Тихий далекий вскрик, а затем жалобное подвывание донесли до его ушей...

Кто это кричит и подывает? Зверь? Человек? Или это просто голуби в старой кладбищенской церкви растревожились и теперь перекликаются в темноте?

Звуки повторились. Нет, не похожи они на птичьи голоса, кто-то другой это кричал.

Ребята?! Как Вовка сразу не догадался?! Что с ними? С кем-то из них, с Андреем или с Мишкой, что-то случилось?! И все из-за него, из-за «смелого парня» Вовочки...

Зачем он вообще потащил их за собой?!

Понятно – зачем. Его храбрость должен был кто-то видеть: он не боится в полночь оказаться среди могил, он пройдет кладбище от края до края! А еще Вова надеялся, что кто-то из его приятелей вообще испугается, вернется, станет дожидаться его у лагеря, а он сам благополучно выполнит намеченную операцию – такая победа будет еще приятнее!

Забыв о собственном страхе, Вовка побежал в ту сторону, откуда слышался голос. Звать ребят или не звать? Нужно ли орать, своим голосом привлекая внимание того неведомого, что испугало Мишку или Андрюшку? Ведь этим криком можно только разозлить опасного врага еще больше...

Для ускорения передвижения Вовка мчался, не разбирая дороги, прыгал с могилы на могилу – мертвякам все равно, а живым, его приятелям, угрожает опасность!

Вот он остановился, чтобы перевести дух. Вокруг было тихо.

– Мишка! – негромко позвал Вовка. – Эй! Андрюха!

Никто не отвечал ему. Вовка крикнул громче. Никакого ответа.

И вдруг что-то зашевелилось в нескольких шагах от мальчишки. Вздрыбилась земля на невысоком холмике, качнулась, зашаталась и упала полусгнившая деревянная оградка.

– А-а-а-а! – закричал Вовка и бросился прочь, уже совсем не разбирая дороги.

Он кричал и бежал, бежал и кричал, не замечая, как ветви деревьев, опустившиеся низко к земле, били его по лицу, как попадались под ноги какие-то обломки, как ботинки цеплялись за упавшие кресты и повалившиеся оградки.

– Стой! – вдруг услышал он резкий окрик.

Цепкие руки схватили его за плечи...

Глава III

Девчонок нужно намазать!

– Вован, ты чего? – кажется, спустя вечность, услышал Вова. – Да стой ты спокойно!

Голос был знакомый – это Мишаня говорил, смешно выговаривая букву В. Так что вместо «Вован» у него всегда получалось «Фофан».

Тьма разбавилась светом луны, и Вовка увидел, что находится на опушке кладбищенского леса. Перед ним широкое пространство – это пруд впереди. А за прудом лес, но уже обыкновенный... Все нормально...

– Я первым вышел сюда, – сказал Мишка. – Смотрю, и Андрюха прямо сразу за мной из кустов выкатывается. А ты чего бегаешь и орешь, а, Вован? Увидел чего?

– Да... – коротко ответил Вовка, с трудом приходя в себя.

Он заметил, что по-прежнему сжимает в руке тюбик пасты. Деловито убрал его в карман и заявил:

– Да я сначала тоже сюда вышел, вас еще не было. И хотел поприкалываться, пастой на крестах что-нибудь нарисовать. Вернулся на кладбище, но слышу, вы сюда идете, хотел выскочить, вас напугать. Да, блин, споткнулся, не получилось. Ну, говорите, страшно было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.